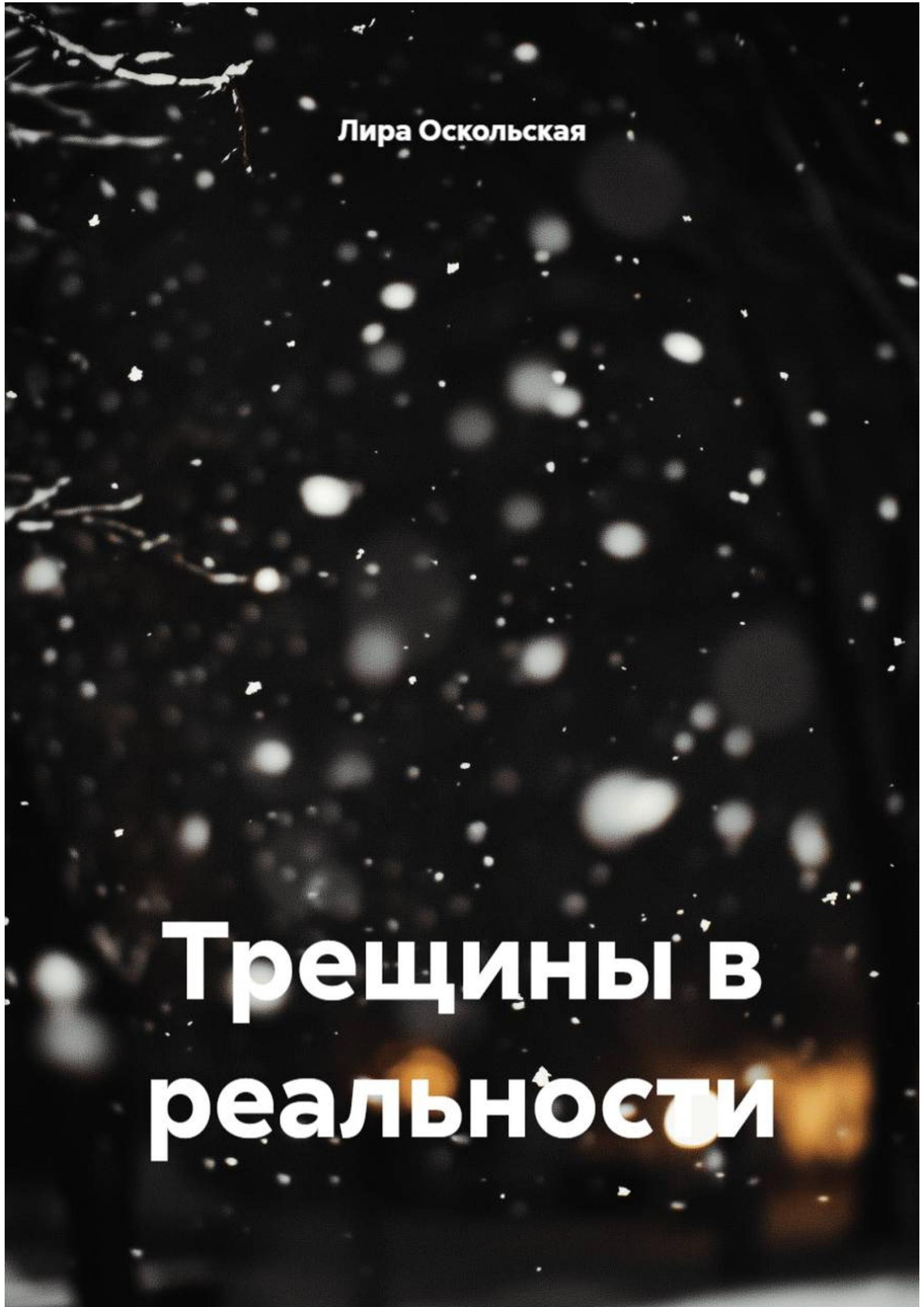

Ли́ра Оско́льская

Трещины в реальности

Лира Оскольская

Трещины в реальности

«Автор»

2026

Оскольская Л.

Трещины в реальности / Л. Оскольская — «Автор», 2026

Она вышла замуж за надежность. Она родила дочь, взяла ипотеку, научилась сводить дебет с кредитом. Она делала всё правильно. Но однажды утром, глядя в зеркало, она не узнала себя. Серая женщина в сером кардигане. Бухгалтер Саша. Жена Олега. Мама Лизы. И никого больше. А потом в наушниках зазвучал его голос. Влад — певец, которого она видела только на экране. Он стал её тайной, её ночной фантазией, её единственным окном в мир, где она не функция, а женщина. Где её хотят. Где её кожа помнит прикосновения, которых не было. Но трещина между реальностью и вымыслом растёт. И однажды она посмотрит в зеркало и увидит не чужую женщину, а ту, которую всю жизнь боялась выпустить. Вопрос только: что останется по ту сторону разлома? Для тех, кто знает, каково это — задыхаться в собственной жизни. И для тех, кто ещё готов рискнуть.

© Оскольская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Девочка, которая пела	5
Глава 1. Тишина на кухне	10
Глава 2. Цифры и ноты	14
Глава 3. Отражение	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ли́ра Оскольская

Трещины в реальности

Пролог. Девочка, которая пела

Я помню тот вкус — металл наушников на коже, тяжёлые, великоватые, они постоянно сползали. Провод тянулся к кассетному плееру, замотанному синей изолентой там, где треснул пластик. Я лежала на полу в своей комнате, за окном серый спальный район, чужие голоса, лай собаки. Но я там не жила. Я была внутри музыки.

Тяжёлые гитарные риффы били прямо в грудь, под рёбра. Бас-гитара вибрировала где-то в затылке. Солист не пел — выдира́л голосом правду о том, что мир несправедлив, что любовь — это боль, что сильным тоже больно. Я закрывала глаза и представляла, что это я стою на сцене. Что этот голос — мой.

Я подпевала. Сначала шёпотом, боясь, что кто-то услышит. Потом громче. Мой тонкий детский голос пытался догнать низкий хриплый баритон. Я не знала нот, не умела брать дыхание — я просто пела, как чувствовала.

Когда в коридоре раздавались шаги, я мгновенно скидывала наушники. Замирала. Дверь открывалась — мать, уставшая, с авоськой продуктов.

— Опять орёшь? Уши не болят?

— Не-а.

— Выключи давай. Уроки сделала?

— Сделала.

Диалог окончен. Никто не спрашивал: «Что ты слушаешь?», «О чём поёшь?», «Тебе нравится петь?» Я снова надевала наушники. Но уже тише.

Я мечтала о музыкальной школе. Представляла, как иду по коридору, открываю дверь в класс, как педагог садится за пианино и говорит: «Покажи, что ты умеешь». Я открывала рот... и замолкала.

Потому что мать уже говорила про музыкальную школу: «Это дорого. И водить некому. Я на работе, отец — сам знаешь. Да и зачем тебе? Бухгалтером пойдёшь — всегда с хлебом будешь».

Я не спорила. Я вообще редко спорила. Просто ложилась на пол, включала кассету и улетала. Туда, где мой голос имел значение.

Потом были годы, когда мир вокруг казался слишком громким и слишком пустым одновременно. Одноклассницы обсуждали мальчиков и диеты, учителя бубнили про ЕГЭ, мать — про то, что «надо думать о будущем». Я кивала, но жила в другом месте. В наушниках.

Там, в музыке, всё было по-настоящему. Не та дешёвая попса, что лилась из каждого утюга, а тяжёлая, заставляющая дрожать. Красивые голоса, которые не пели — выдирали правду изнутри. Я слушала часами. Засыпала с наушниками, просыпалась и снова включала.

Родители ворчали: «Оглухнешь». Я не спорила. Они не понимали, что это не просто звуки. Это был язык. Через него со мной говорили о том, о чём в реальности молчали. О любви — не той, розовой и сопливой, а о той, что рвёт душу пополам. О силе, которая не в мышцах, а в умении не сломаться. О свободе — настоящей, где ты сам решаешь, кем быть.

Я искала тексты. Впитывала их. Перечитывала, как стихи, разбира́ла на цитаты, записывала в тетрадку. Мне нравилось, когда за тяжёлыми гитарами стоял ум. Когда музыкант не просто орал, а говорил что-то важное. Когда в трёх куплетах умещалась целая жизнь.

Подружки удивлялись: «Как ты это слушаешь? Голова болит». Я пожимала плечами. Объяснять было бесполезно. Они не слышали того, что слышала я: боли, ярости, надежды, спрятанной под слоем электрогитар.

Иногда, когда никто не видел, я закрывала глаза и представляла сцену. Софиты. Я стою у микрофона. За спиной гитаристы, барабанщик, басист. В зале тысячи глаз, но мне не страшно, потому что я здесь своя. Я пела. И голос льётся — тот самый, что внутри, глубокий, сильный, честный. Он летит в зал, и люди замирают. Они слышат не просто песню. Они слышат меня.

В этих мечтах я пела всё, что хотела. Всё, что копилось внутри. В реальности я молчала. Никогда. Ни разу. При людях. Страх был сильнее желания. Он сидел в горле колючим комом и душил каждый раз, когда кто-то предлагал: «Спой! Ты же всё время в музыке, наверное, умеешь?» Я краснела, отнекивалась, уходила в сторону. Смеялась, делала вид, что это шутка.

А вдруг не получится? Вдруг голос сорвётся? Вдруг они посмотрят с жалостью или, хуже, с насмешкой? Я не могла вынести даже мысли об этом. Лучше молчать, чем опозориться. Лучше мечтать, чем пробовать.

Так я и жила. Внутри — сцена. Снаружи — серая мышь. Музыка спасала мне рассудок. И она же сделала меня трусихой.

Потом был институт. Экономический, потому что «надо». Мать вздыхала с облегчением: дочь не пошла в дворники, будет с бумажками возиться, а бумажки — это стабильно. Я не спорила. Я вообще разучилась спорить.

В наушниках по-прежнему играло тяжёлое. Я ходила на концерты — одна или с редкими знакомыми из тематических пабликов. Стояла в толпе, закрывала глаза и чувствовала, как вибрация от басов проходит сквозь тело, промывает кости, выбивает пыль из углов души. В такие моменты я была жива.

А потом концерт заканчивался, я садилась в метро и ехала в общагу. Мимо проплывали чужие лица, чужие жизни. Я смотрела на них и думала: «А у них внутри тоже так пусто? Или только у меня?» Ответа не было.

Он появился на одной из таких концертных тусовок. Высокий, худой, в чёрной футболке с логотипом группы, которую я любила лет с четырнадцати.

— Тоже любишь? — спросил, кивая на колонки.

— Больше жизни, — ответила я и засмеялась, потому что фраза прозвучала пафосно.

Но он не засмеялся. Посмотрел серьёзно, внимательно.

— Я Дима.

— Саша.

Мы проговорили всю ночь. О текстах, о гитарных соло, о том, как ударник в этой группе переиграл барабанщика из той. Он цитировал мои любимые строчки. Я подхватывала. Впервые в жизни меня слышали.

— Ты не такая, как все, — сказал Дима под утро. — Ты глубокая. Ты понимаешь.

Я поверила.

Потом была свадьба. ЗАГС, скромное платье, мать с мокрыми глазами, отец, который пришёл, но всё время курил в стороне. Дима стоял рядом, пах потом и дешёвым одеколоном. Он волновался, это было видно.

— Всё будет хорошо, — шепнул он.

Я кивнула. Внутри — надежда. Маленький тёплый огонёк. Наконец-то у меня будет свой человек. Тот, кто понимает. Тот, с кем можно слушать музыку молча и чувствовать одно и то же.

Музыка ведь спасла меня в шестнадцать. Значит, и сейчас спасёт.

Но через год кухня в съёмной однушке, гора посуды. Дима сидит в наушниках, уткнувшись в ноутбук. Играет та самая музыка — тяжёлая, надрывная. Я подхожу, кладу руку на плечо. Он вздрагивает, снимает один наушник.

— Что?

— Я есть хочу. Может, сходим куда-то?

— Денег нет до зарплаты.

Наушник обратно на место.

Я стою, смотрю на его профиль. Он там — внутри звуков. Там ему хорошо. Там он дома. А здесь, со мной, он просто присутствует.

Я сажусь напротив. Смотрю, как его пальцы отбивают ритм по столу. Он не замечает моего взгляда. И вдруг приходит понимание. Острое, как лезвие.

Можно любить одно и то же. Слушать те же песни. Цитировать те же строчки. Но быть при этом абсолютно чужими.

Музыка не спасает. Она не заполняет пустоту между двумя людьми, которые разучились говорить друг с другом.

Всё случилось тихо. Без скандалов, без битья посуды. Я просто собрала вещи, пока Дима был на репетиции. Вошла в пустую квартиру в последний раз, оставила ключи на тумбочке. Уехала к матери.

Он позвонил через три дня.

— Вещи заберу на выходных, — сказал ровно. — Бывай.

— Бывай, — ответила я.

И всё. Три года брака. Ничего не достигнуто. Ни в работе — я так и сидела на своей бумажной должности, ни в любви — любовь кончилась, даже не начавшись. Просто два человека, которым нравилась одна музыка, не смогли стать одной семьёй.

Мать сказала: «Я же говорила. Все они такие. Ты себе нормального найди, чтоб с головой дружил».

Я кивнула. Впервые в жизни я подумала: «А может, мать права? Может, не в музыке дело? Может, я просто не умею выбирать?»

Ответа не было.

Потом был офис. Кондиционер гудит. Excel. Цифры. Бесконечные отчёты. Я уже привыкла к этой жизни. Утром — кофе, днём — обед в столовой, вечером — дорога домой, ужин, телевизор, сон.

Музыка всё ещё была со мной. В наушниках, в метро, в редкие выходные, когда я позволяла себе включить что-то старое и закрыть глаза. Но это уже не была страсть. Это была привычка. Тёплое одеяло, в которое заворачиваешься, когда холодно.

Олег появился из ниоткуда. Просто однажды подошёл к моему столу с двумя чашками кофе.

— Вам с сахаром? — спросил.

Я подняла глаза. Высокий, спокойный. Рубашка заправлена в брюки. Никакой чёрной футболки с логотипами. Никакой «особенности».

— Да, спасибо.

Он поставил чашку, задержался на секунду.

— Тяжёлый день?

— Обычный.

Кивнул и ушёл.

Я смотрела ему вслед и думала странную вещь: «Он не ударит. Не предаст. Не уйдёт в себя, забыв, что я существую. С ним будет... спокойно».

Спокойно. Не огонь. Не страсть. Не «родственная душа». Просто спокойно.

Мне показалось этого достаточно.

ЗАГС. Обычный. Гости. Олег в костюме, который чуть великоват в плечах. Он волнуется, поправляет галстук, улыбается мне.

— Ты красивая, — шепчет.

Я улыбаюсь в ответ. Внутри — никакой дрожи. Никаких басов в груди. Только тихое, ровное тепло.

«Так и должно быть, — думаю я. — Страсть проходит. Остаётся уважение. Надёжность. Семья».

Мать за соседним столиком довольно кивает: «Надо же, дождалась. Нормальный зять». Я не слушаю. Смотрю на Олега и верю, что в этот раз всё получится.

Потом был роддом. Хлорка и страх. Олег стоит у кровати, держит за руку, смотрит на дочь в кювезе. Глаза влажные.

— Красивая, — шепчет. — Вся в тебя.

Я улыбаюсь. Устало. Счастливо. Страшно.

— Мы справимся, — говорит Олег. — Я всё потяну.

Я верю. Первый год с Лизой — как в тумане. Бессонные ночи, бесконечные пелёнки, молочные смеси, температура, зубы, первые шаги. Я почти не слушаю музыку. Некогда. Не до того. Наушники пылятся в ящике.

Иногда, когда Лиза засыпает днём, я включаю что-то фоном. Тихим. Спокойным. Без надрыва. Старое тяжёлое кажется теперь слишком громким. Слишком чужим. «Я взролею, — думаю я. — Я меняюсь». Но где-то глубоко внутри девочка с наушниками обиженно молчит.

Олег сказал: «Слушай, а зачем тебе обратно в офис? Няньки, садики, вечно больничные. Давай ты дома посидишь? У нас же своё дело. Бухгалтерию потянешь?»

Я согласилась. Теперь мой офис — комната, где стоят компьютер и принтер. Рабочий день начинается в девять и заканчивается, когда падаю с ног. Границы стёрлись. Дом — работа. Работа — дом.

Цифры. Отчёты. Налоги. Кредиты.

Музыка снова входит в жизнь. Но теперь это фон для Excel. То, что помогает не сойти с ума от однообразия.

Я нахожу новые группы. Старых тоже переслушиваю. Иногда натываюсь на что-то, от чего внутри ёкает. Но быстро пролистываю дальше. Некогда копаться в себе.

И вот мне тридцать пять.

Я открываю глаза. Будильник ещё не звонил, но я уже не сплю — привычка. Рядом посапывает Олег. Из детской доносится возня — Лиза проснулась. Восемь лет дочери. Восемь лет брака. Хороший срок. Надёжный срок. Я встаю. Иду на кухню. Варю кофе. Механически, на автопилоте: кофе в турку, вода из фильтра, плита на средний огонь.

— Ма-ам! — кричит Лиза из комнаты. — А где мой телефон?

— Не знаю. Ищи.

— Ну ма-ам!

Я вздыхаю. Иду помогать искать. Телефон находится под подушкой. Лиза довольно улыбается.

— Включишь мне музыку? — просит она. — Ту, красивую, с пианино.

Я киваю. Нахожу в плейлисте классическую подборку — ту самую, которую составила для «развития дочери». Моцарт, Чайковский, Вивальди. Правильная музыка. Полезная.

— Держи. Только тихо.

Лиза кивает и утыкается в экран.

Я возвращаюсь на кухню. Олег уже встал, шлёпает в ванную. Чайник закипает. Обычное утро обычной женщины. Я давно не слушаю тяжёлую музыку. Вообще почти не слушаю. То, что играло в моих наушниках в шестнадцать, теперь кажется слишком громким, слишком чужим. Да и некогда. Работа, ребёнок, дом. Иногда, если выпадает свободный вечер, я смотрю записи рок-опер и мюзиклов. Ночью, когда все спят. Наушники, чтобы не разбудить. Тёмный экран, яркие декорации, голоса, от которых внутри что-то отзывается, но тихо, приглушённо, как эхо в пустой комнате. Я не ишу новое. Слушаю то, что подсовывают рекомендации «Яндекс.М.».

Плейлисты, составленные алгоритмами. Безопасная музыка. Удобная. Старые хиты. Иногда мне кажется, что этот сервис знает меня лучше, чем я сама.

Так я и наткнулась на Влада полгода назад. Случайно.

Юбилейный концерт группы, которую я когда-то любила. Они пригласили гостей. Он вышел на сцену — высокий, красивый, мрачный, в чёрном. Взял микрофон. И запел.

Я замерла. Голос — низкий, мощный, с хрипотцой. Не пел — выдирает из себя каждую ноту. Смотрел в зал так, будто видел каждого насквозь. Я тогда перемотала назад. Пересмотрела ещё раз. Потом полезла искать, кто это. Влад. Сольный проект. Участие в рок-операх. Несколько мюзиклов. Мало интервью, много музыки.

Я подписалась. Слушала иногда. Но не придавала значения. Просто ещё один голос в плейлисте. Сегодня утром, проходя мимо зеркала в прихожей, я останавливаюсь. Смотрю на себя долго. Пристально. Женщина. Тридцать пять. Волосы в пучок. Без макияжа. Серая футболка. Под глазами — тени.

— Кто ты? — тихо спрашиваю я.

Отражение молчит.

Я отворачиваюсь. Иду на кухню. На столе — телефон. Экран загорается уведомлением: «Новый сингл вашего любимого исполнителя». Влад.

Палец сам тянется к экрану. Нажимаю «Play». Надеваю наушники.

Секунда тишины. Потом вступает гитара. Тяжёлая, низкая, вязкая, как смола. Я закрываю глаза. Прислоняюсь спиной к холодильнику.

Голос врывается в уши, в голову, в грудь. Он поёт о том, как трудно дышать, когда ты не там, где должна быть. О том, что внутри сидит зверь и хочет наружу.

Я стою на кухне, в домашних штанах, с немой чашкой в раковине за спиной, и слушаю. Глаза закрыты. И вдруг — я не знаю, как это происходит — девочка внутри меня просыпается. Та самая. В огромных наушниках.

Она садится, поправляет наушники, смотрит на меня взрослую.

— Ты ещё здесь? — шепчу я мысленно.

— Я всегда была здесь, — отвечает девочка. — Ты перестала меня звать.

В глазах собираются слёзы. Я не замечаю.

Песня заканчивается. Тишина. Только гул холодильника.

Я открываю глаза. Кухня та же. Чашка в раковине. За окном серое утро.

Я смотрю на экран телефона. Фотография Влада. Чёрно-белая.

— Кто ты? — шепчу я.

Он не отвечает.

Но я уже знаю ответ.

Глава 1. Тишина на кухне

Я проснулась за минуту до будильника. Всегда так. Организм привык включать себя сам, как автомат, ещё до того, как резкий звук разорвёт тишину спальни. Я лежала и смотрела в потолок. Серый, знакомый, с крошечной трещинкой в углу, которую я обещаю себе заклеить уже полгода.

Рядом посапывал Олег. Он спал на спине, раскинув руки, занимая большую часть кровати. Я осторожно выбралась из-под одеяла, чтобы не разбудить. Холодный воздух обжал ноги. Я натянула тапочки и вышла в коридор.

В квартире было тихо. Тот особый предрассветный звук, когда город ещё спит, но уже начинает шевелиться где-то за окнами. Я прошла на кухню. Включила чайник. Пока он закипал, стояла у окна и смотрела на свой отражение в тёмном стекле.

Тридцать пять лет. Волосы собраны в небрежный пучок, который держится только на честном слове. Под глазами тени, которые не убирает никакой консилер. Я выглядела как женщина, которая давно перестала смотреть на себя в зеркало просто так, для удовольствия. Только чтобы проверить: всё ли на месте? Всё ли чисто? Всё ли удобно для окружающих?

— Ма-ам!

Голос Лизы из комнаты заставил меня вздрогнуть. Я отвернулась от окна. «Не успела» вдруг подумала я о том, что не успела побыть одна со своими мыслями.

— Иду, солнышко.

День начался. Не мой день. Их день. Я стала функцией. Мать. Жена. Бухгалтер.

Олег вышел через двадцать минут. Быстрый, собранный, уже в режиме «бизнес». Он метался между прихожей и спальней, застёгивая сумку, проверяя билеты на телефоне.

— Саш, я на два дня, может, на три. Клиент в Казани, сама понимаешь, — говорил он, не глядя на меня. — Ты тут справишься?

Я стояла у плиты, помешивала кашу для Лизы. Смотрела, как он носится по коридору. Высокий, поджарый, в рубашке с коротким рукавом, застиранной до серости. Он всегда носил рубашки, пока они не превращались в тряпки. «Носить можно, чего выбрасывать», — говорил он.

Олег был надёжным. Это слово лучше всего его описывало. Не страстным, не романтичным, не спонтанным. Надёжным. Как старый диван. Как бабушкин сервиз, который достают только по праздникам. Он не подведёт, не ударит, не предаст. Он просто будет стоять — ровно, предсказуемо, немного пыльно.

— Справлюсь, — ответила я механически.

Развлечений у него не было. Совсем. В свободное время он читал новости на экономических сайтах, смотрел интервью с успешными предпринимателями и иногда, если я просила, мог включить фильм. Но через полчаса обычно засыпал. Друзей у него тоже не было. Только партнёры по бизнесу. «Коллеги», — поправлял он.

Вся его жизнь была работа. И семья как продолжение работы: место, куда возвращаешься, чтобы поесть и поспать.

— Ключи не забыл? — спросила я. — В кармане. — Деньги? — Нормально.

Он наконец остановился, чмокнул меня в щёку. Пахло от него офисом, чужими переговорами, усталостью.

— Позвоню вечером. Лизе привет.

Дверь хлопнула. В квартире стало тише. Намного тише.

Я постояла у плиты ещё минуту, глядя на дверь. Потом вернулась к каше.

Лиза влетела на кухню, растрёпанная, в пижаме с единорогами. — Ма-ам! А когда папа уехал? — Только что. — А-а-а, — разочарованно протянула дочь. — А я попрощаться хотела. — Вечером позвонит.

Она плюхнулась на стул и уставилась в тарелку с кашей без всякого энтузиазма. — Ешь давай, — сказала я. — В школу опоздаешь. — Мам, а купишь мне игру?

Я уже знала этот тон. Просящий, но с хитринкой. Лиза умела просить. Как ни странно, опыт, не давал ей ошибаться в выборе момента — когда мама уставшая, папы нет, и отказать легче, чем спорить.

— Какую игру? — Нуууу, там, в телефоне, новая. Все уже скачали. Там котики и замки. Недорого, всего триста рублей.

Я смотрела на дочь и видела себя. Те же тёмные волосы, тот же разрез глаз. Но в Лизе не было той пустоты, что жила во мне в детстве. Лиза была яркая. Громкая. Живая.

— Посмотрим, — сказала я. — Ты всегда так говоришь! — Лиза надула губы. — А потом забываешь. — Я не забываю. — Забываешь. В прошлый раз тоже сказала «посмотрим», и ничего не посмотрела.

Я вздохнула. Я действительно забыла. И в прошлый раз, и в позапрошлый. Обещания рождались в бесконечных делах, в цифрах, в отчётах, в усталости. Лиза уже перестала верить, но всё равно просила. Надеялась.

— Ладно, — сказала я. — Напиши мне название. Сегодня посмотрю.

Лиза просияла. Схватила телефон, застучала пальцами. Через минуту на мой телефон пришло сообщение: «Котики: замок снов».

Я улыбнулась. У меня была хорошая дочь. Я любила её. Сильно. До дрожи. До страха. Просто эта любовь жила где-то глубоко, под слоем быта, под коркой усталости. Иногда мне казалось, что я разучилась её показывать. Что дочь получает только осколки — «сделай уроки», «надень шапку», «не трогай телефон». Но внутри любовь была. Огромная, тёплая, живая. Она просто... не находила выхода.

— Ешь давай, — повторила я мягче. — А то, правда, опоздаешь.

День прошёл как в тумане. Мой офис — это комната, где стоят компьютер и принтер. Рабочий день начинается в девять и заканчивается, когда я падаю с ног. Границы стёрлись. Дом — работа. Работа — дом.

Цифры. Отчёты. Налоги. Кредиты.

Я сидела перед монитором, но цифры расплывались. В ушах стоял гул, хотя наушники были сняты. Я надела их. Нажала «Play».

Началось вступление. Тяжёлое, тягучее. Гитара Влада. Я закрыла глаза на секунду. Цифры на экране поплыли. Вместо строк бюджета я увидела софиты. Вместо калькулятора — микрофонную стойку.

«Ты не слышишь себя? Ты же звучишь», — пронеслось в голове.

Это было странно. Я знала каждое слово, каждый вдох между фразами. Я изучила его интервью. Знала, что он играет в рок-операх, что уважает классику, но выбирает тьму. Кухня исчезла. Запах остывшей гречки сменился запахом сцены: металл, свет, электричество.

В моей фантазии я не была поклонницей в зале. Я стояла рядом. В таком же чёрном. С микрофоном в руке. Мы пели дуэт. Его голос обвивал мой голос, поддерживал, вёл вверх.

— Ты слышишь себя? — спрашивал он в моём воображении. — Ты же звучишь. Ты живая.

Я вдохнула. Впервые за день мои лёгкие наполнились воздухом до конца. — Я готова, — прошептала я вслух пустой кухне.

Но реальность вернулась слишком быстро. Телефон завибрировал на столе. Олег. Я сняла наушники. Голос Влада оборвался, оставив после себя звонкую тишину, которая вдруг стала невыносимой.

— Алло. — Саш, всё нормально? — голос Олега был далёким, с помехами. На заднем плане гудел отель, слышались чужие голоса. — Да, нормально. — Лиза спит? — Спит. — Созвонились с поставщиком, — сказал он, переходя к главному. — Цены поднимают на двадцать процентов. Представляешь? Двадцать! А мы с ними три года работаем.

Я молчала. Я сидела на кухне, смотрела в окно. За стеклом было темно, только фонари горели тусклым оранжевым.

— Придётся искать новых, — продолжал Олег. — А это время, риски, опять переговоры. Ипотеку платить надо, налоги. Я считал, если так пойдёт, к концу года будем в минус уходить. — Угу, — сказала я. — Ты меня слышишь? — Слышу. — Короче, я тут ещё на день задержусь. Надо встретиться с одним человеком, перетрём варианты. Ты справишься? — Справлюсь. — Хорошо. Целую. Лизе привет. — Передам.

Он отключился. Я ещё минуту держала телефон у уха, слушая тишину. Потом положила.

Разговор был окончен. Как всегда. Олег говорил, я кивала. Он не ждал от меня ответов, советов, эмоций. Он просто выгружал информацию, как файл на сервер. А я принимала. Потому что так было всегда.

Я посмотрела на стол. Тарелка Лизы с недоеденной котлетой. Чашка Олега, из которой он пил чай перед отъездом. Своя чашка — давно остывший кофе.

Я встала, собрала посуду, включила воду. Горячая вода обжигала руки. Я смотрела, как пена закручивается в раковине, уходит в слив. За окном — тёмный двор, чужие окна, чужие жизни.

А вдруг там, за этим окном, кто-то живёт иначе?

Мысль пришла неожиданно. Глупая. Детская. Вдруг там, в другой квартире, женщина не моет посуду вечером, а сидит в кресле и слушает музыку? Вдруг её муж не говорит об ипотеке, а берёт гитару и поёт? Вдруг у них не тишина на кухне, а... что-то другое? Я слишком часто так задумывалась, смотря с балкона на соседний дом и в пустоту дороги.

Я тряхнула головой. Выключила воду. Вытерла руки. Глупости. Так не бывает. Или бывает, но не у меня. У меня — тишина. Уютная, тёплая, безопасная тишина.

Ночь. Лиза спала, раскинувшись звёздочкой. Одна рука свесилась с кровати, одеяло сползло на пол. Я поправила, укрыла дочь, постояла минуту, глядя на спящее лицо. Потом вышла в коридор, прикрыла дверь.

В квартире было тихо. Только холодильник гудел на кухне. Я прошла в спальню, легла на кровать, уставилась в потолок. Рядом — пустая подушка Олега. Я привыкла. Давно привыкла.

Телефон засветился в темноте. Уведомление. Я потянулась, взяла в руки. «Яндекс.М.» предлагала новый плейлист: «По следам ваших прослушиваний».

Палец сам нажал. Влад. Тот самый концерт, юбилейный. Я смотрела его уже раз десять, наверное. Но сегодня, в тишине, в пустой квартире, он звучал иначе.

Я надела наушники. Лёжа на спине, глядя в потолок, я смотрела, как он выходит на сцену. Как берёт микрофон. Как закрывает глаза на секунду перед первой нотой.

Голос полился в уши. Низкий, мощный, живой. Я закрыла глаза.

Кухня, посуда, ипотека, Олег в командировке — всё исчезло. Я была там. В зале. Среди тысяч. Я смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается что-то тёплое, забытое, давно похороненное.

Девочка в наушниках проснулась. Она сидела на полу в своей детской, поправляла огромные наушники и смотрела на меня. Концерт закончился. Я открыла глаза. Потолок был тот же. Тишина та же. Но внутри — не вата. Я выключила телефон, положила на тумбочку. Повернулась на бок. Завтра будет новый день. Цифры. Отчёты. Лиза. Олег позвонит вечером. Всё будет как всегда. Но сегодня, сейчас, в этой ночи, у меня было что-то другое. Музыка. И девочка, которая, наконец, проснулась.

Я лежала и слушала тишину за окном. Где-то далеко проезжала машина. Соседи сверху ходили по ламинату. Обычные звуки обычной жизни. Но под рёбрами всё ещё вибрировал бас. Тот самый, от которого дрожат кости.

Я вспомнила его глаза на экране. Он смотрел в зал так, будто видел каждого насквозь. *«Музыка, которая играет на струнах души», — подумала я.*

В этой записи он был не просто артистом. Он был проводником. Я знала каждое слово, каждый вдох между фразами. Я перевернулась на другой бок. Уткнулась лицом в подушку Олега. Она пахла его одеколоном. Дешёвым, привычным, безопасным. Я закрыла глаза. Сон пришёл не сразу. Я долго лежала и слушала, как гудит холодильник. Как тикают часы в коридоре. Как бьётся моё собственное сердце.

Оно билось ровно. Спокойно. Но мне вдруг захотелось, чтобы оно забилось чаще. Чтобы перехватило дыхание. Чтобы внутри снова зазвучала музыка, от которой невозможно усидеть на месте.

Я заснула с этой мыслью. И мне снилось, что я пою. Громко. Так, что слышит весь дом.

Глава 2. Цифры и ноты

Наш домашний офис пах кофе, пылью от бумаг и чем-то кислым — запахом застоявшегося воздуха, который не спасали даже открытые на проветривание окна. Зимой мы почти не выпускали тепло, сэкономили. Я сидела за своим углом стола, перед монитором, где светилась таблица Excel. Бесконечные столбцы цифр, которые не сходились.

Я потеряла виски. Кредит, аренда склада, налоги, поставщики. Цифры плавали перед глазами, сливаясь в серую кашу.

Олег сидел рядом, на диване, с ноутбуком на коленях. Он что-то печатал, изредка вздыхая. Этот звук — его вздох — действовал на меня хуже любого крика. В нём была усталость, да, но ещё и немой упрёк. Будто я была виновата в том, что мир требовал денег, а их не хватало.

— Саш, ты проверила счет за последнюю поставку? — не поднимая глаз, спросил он.

— Проверила, — ответила я механически. — Там пересорт. Нужно звонить, выяснять.

— Позвони.

Я кивнула. Пальцы сами нашли номер в базе. Голос в трубке ответил привычно-вежливо, с извинениями. Я записывала имена, даты, обещания. Всё как всегда. Когда я положила трубку, в комнате повисла тишина. Тягучая, липкая.

Мне вдруг захотелось звука. Любого. Чтобы заглушить этот тихий стук клавиш, который словно отсчитывал время моей жизни. Я потянулась к ящику стола. Достала наушники.

Олег поднял взгляд. — Что ты делаешь? — Слушать буду. — Работать же надо. — Я работаю быстрее под музыку. Ты же знаешь.

Он поморщился, но ничего не сказал. Я надела наушники. Нажала «Play».

В уши ударил первый аккорд. Тяжёлый, тягучий, как смола. Гитара Влада. Я закрыла глаза на секунду. Цифры на экране поплыли. Исчезли. Вместо строк бюджета я увидела софиты. Ослепительно белые, горячие лучи, бьющие сверху. Вместо калькулятора под пальцами оказалась микрофонная стойка. Холодный металл, шершавый от частых прикосновений.

Я больше не сидела в домашнем офисе. Я стояла на сцене. Рядом стоял Он. Влад. Не на экране телефона. Живой.

Он повернулся ко мне. Улыбнулся. Не той дежурной улыбкой для зала, а настоящей. Тёплой. — Готова? — спросил он. Голос низкий, бархатный. Я чувствовала его вибрацию кожей, даже сквозь наушники. — Готова, — ответила я.

Мы запели. Это был дуэт. Его голос обвивал мой, поддерживал, вёл вверх. Он не перекрывал меня. Он давал мне место. В моём воображении я кричала. Мой голос звучал мощно, уверенно, сливаясь с его баритоном в единое целое. Я чувствовала гул аплодисментов стопами. Вибрация шла через пол, через ноги, поднималась выше, заполняя грудь. Я была живой. Впервые за день. Впервые за неделю.

— Саш.

Голос Олега прорвал музыку, как нож разрезает ткань. Я вздрогнула. Открыла глаза. Комната вернулась резко, больно. Серые стены. Монитор с таблицей. Олег смотрел на меня с лёгким недоумением. Я сняла один наушник.

— Что ты слушаешь? — Влада. Новый сингл.

Олег кивнул, что-то поискал в телефоне. — А, тот самый. Ну да, голос поставлен неплохо. Технично. Можно включить фоном, пока работаешь. Для концентрации. Или для развития слуха.

«Для развития». Эти слова ударили сильнее, чем если бы он запретил. Для него это было упражнение. Как зарядка для ума. Он не чувствовал того, как этот голос выворачивает душу наизнанку. Не понимал, почему у меня холодеют пальцы, когда Влад берёт эту низкую ноту. Для него музыка была функцией. Для меня — воздухом.

— Да, для развития, — тихо согласилась я. И снова надела наушник.

Олег вернулся к своему экрану. А я закрыла глаза и позволила фантазии пойти дальше.

В этот раз я не осталась на сцене. Влад протянул руку, приглашая за кулисы. Его пальцы коснулись моей ладони. Горячие.

Мы ушли в гримёрку. Там пахло лаком для волос и дорогим парфюмом. Он подошёл ближе. Я чувствовала его присутствие каждой клеткой — жар тела, который исходил от него, едва уловимый запах дыма и кожи.

Он встал за моей спиной. Я видела его отражение в зеркале: высокий, темный силуэт. Он положил руки мне на плечи. Тяжёлые ладони. Горячие даже сквозь ткань моего кардигана.

Я замерла.

Он смотрел в зеркало, мне в глаза. Его взгляд в отражении был плотным, осязаемым, как прикосновение. — Ты сегодня потрясающая, Саш, — его голос низкий, бархатный. Он наклонился к моему уху. Я почувствовала тепло его дыхания на шее, и там, у позвоночника, пробежала холодная дрожь.

Он убрал одну руку с моего плеча и медленно провёл пальцем по моей щеке.

По коже пробежал ток.

Не метафорический. Я физически ощутила разряд, острый и короткий, как удар статического электричества, но глубже. Он прошёл от щеки вниз, по шее, ключицам, остановился где-то под рёбрами, заставив сердце пропустить удар.

Кожа горела там, где прошла его рука. Каждая клетка будто проснулась, взметнулась навстречу этому касанию. Мурашки пошли по рукам, волосы на затылке шевельнулись.

Это было опасно. Это было запрещено.

Он наклонился ещё ближе. Его губы почти касались моего виска. — Ты создана для этого, — шепнул он. — Не для цифр. Не для отчётов. Для этого.

Я хотела повернуться. Хотела сказать, что у меня муж. Что мне тридцать пять. Что у нас ипотека. Что это невозможно.

Слова застряли в горле. Они казались вдруг такими мелкими, такими ненастоящими по сравнению с этим огнём под кожей.

«Это безумие», — пронеслось в голове. — «Ты теряешь себя».

Но разве я не нашла себя только сейчас? Разве та, другая Саша, которая стирает пятна с отчётов, была живой?

Он провёл пальцем по моей щеке снова, на этот раз медленнее, словно запоминая изгиб скулы. Кожа горела. Это горение было сладким и пугающим одновременно. Как высокая температура, которая одновременно и мучает, и обещает избавление.

— Не думай, — шепнул он. — Просто будь здесь. Со мной.

Я не знала, как отказать. Не хотела.

В этом мире не было кредитов. Не было скучных ужинов. Не было ощущения, что ты прозрачна. Здесь меня видели. Здесь меня чувствовали.

Это касание было весомее, реальнее, чем всё, что происходило со мной за последний год. Чем рука Олега, которая ложится на плечо привычно и тяжело, как мокрое полотенце. Здесь был огонь. Здесь был риск.

Но где-то в глубине, под этим жаром, шевельнулся холодный червячок сомнения.

«А что потом? Когда он уйдёт? Когда музыка стихнет? Ты останешься одна. А он уедет. У него другая жизнь».

Я попыталась ухватиться за эту мысль, как за спасательный круг. Но пальцы Влада на моей щеке сжались чуть сильнее, и мысль рассыпалась.

Я выдохнула, и звук получился хриплым, чужим.

— Влад...

— Саш.

На этот раз голос Олега прозвучал настойчивее. Я открыла глаза. Экран снова стал экраном. Цифры снова стали цифрами. Влада не было. Был уютный домашний офис. Муж. Кредиты.

Олег сидел напротив, сложив руки на груди.— Нам нужно поговорить о бюджете на следующий месяц. Кажется, мы не укладываемся.

Сердце колотилось, словно я действительно только что была в гримёрке. Щека, где в фантазии прошёлся палец Влада, всё ещё горела. Я инстинктивно прикоснулась к ней. Кожа была холодной. Реальной.

«Он не настоящий», — напомнил себе разум. — «Только что ты разговаривала с воздухом».

От этой мысли внутри стало зябко. Стыдно. Но одновременно хотелось снова закрыть глаза и вернуть это горение.

— Потом, — сказала я. Голос прозвучал хрипло.— Почему нельзя? Время есть. Мы же дома.— Потому что я сейчас занята.— Чем? Бухгалтерией?— Да. Бухгалтерией.

Он пожал плечами и отвернулся.— Как хочешь. Только не затягивай.

Он не заметил. Он не заметил, что в этот момент я потеряла не время. Я потеряла нить, связывающую меня с реальностью. Я посмотрела на его профиль. Знакомый. Родной. Чужой.

«Он не виноват, что не слышит», — подумала я. — «Но я виновата, что молчу».

Я вернулась к таблице. Пальцы дрожали. Внутри, под рёбрами, всё ещё звучал голос Влада. И этот голос требовал выхода. Я смотрела на цифры, но видела ноты. Слушала стук клавиш Олега, но слышала ритм барабанов.

Мир раскололся. Одна часть — здесь, в этой комнате, где нужно экономить на свете и считать копейки. Другая — там, где я пою, где меня слышат, где моя кожа помнит прикосновения, от которых перехватывает дыхание.

Вечер наступил незаметно. Олег закрыл ноутбук.— Всё, я устал. Пойду кино посмотрю. Ты со мной?— Нет. Я устала.— Опять? — в его голосе проскользнула тень обиды. — Ты всё время усталая, Саш. Может, к врачу сходить?— Может, — согласилась я. — Иди смотри.

Он ушёл в гостиную. Через минуту оттуда донёсся звук телевизора. Я осталась в кабинете одна. Выключила свет. Оставила только настольную лампу. Снова надела наушники.

Теперь мне не нужно было представлять сцену. Она была здесь. В темноте кабинета. Я сидела на стуле, сгорбившись над отчётами, но внутри я стояла в гримёрке, чувствуя на своей коже всё ещё горящий след от пальцев, которых не существовало.

Олег так и не пришёл спросить, почему я не сплю. Я сидела до трёх ночи. В блокноте, который лежал под таблицами, я выводила строки. Не цифры. Слова.

«Клетка из золота тяжелее, чем из железа. Потому что её не видно».

Я перечитала. Зачеркнула. Написала снова.

«Но ключ есть. Всегда есть ключ».

Я посмотрела на закрытую дверь кабинета. За ней спал Олег. Спала наша безопасная, надёжная жизнь. А я сидела в темноте с ключом в руке. И не знала, какую дверь он откроет.

Глава 3. Отражение

Утро началось не с кофе, а с косметички.

Я достала её из дальнего ящика комода, где она лежала годами. Тушь, подводка, темные тени. Раньше я пользовалась только прозрачным блеском для губ и чуть-чуть пудры. «Зачем? Мы же дома», — говорила я себе. «Зачем тратить время?», — говорил Олег.

Но сегодня руки дрожали.

Я села перед зеркалом. Включила яркий свет. Посмотрела на свое отражение. Тридцать пять. Усталые уголки глаз. Серая кожа. Женщина, которая перестала себя замечать.

— Нет, — шепнула я.

Сначала карандаш. Твердая рука провела стрелку вдоль века. Черную, четкую, чуть вздернутую вверх. Потом тени. Графит, уголь, глубокий синий. Я тушевала, накладывала слои, пока глаза не стали огромными, темными, загадочными. Помада. Темная вишня.

Я откинулась назад. Из зеркала на меня смотрела не бухгалтер Саша, не жена Олега. Смотрела женщина, которая знает цену своему голосу. Та, которую вчера коснулся Влад.

В дверь постучали. Коротко, по-детски.

— Мам, можно?

Лиза просунула голову в щель. Восемь лет, русая косичка, которую я заплела вчера вечером и сегодня уже не распутать. Школьная форма на пуговицу ниже положенного, носок одной туфли сбит.

— Заходи, — сказала я, не оборачиваясь.

Она вошла и замерла. Я видела её отражение в зеркале — маленькая фигурка замерла, разинув рот.

— Мам... ты красивая, — выдохнула Лиза. — Ты как принцесса.

Я улыбнулась. Восьмилетняя честность — лучший комплимент.

— Спасибо, солнышко.

— А зачем ты так накрутилась? — она подошла ближе, разглядывая меня с детским любопытством. — У вас с папой свидание?

— Нет, просто захотелось.

— А можно я тоже? — Лиза потянулась к моей помаде. — Немножко. Для красоты.

— После школы, — пообещала я. — Сейчас беги, опоздаешь.

Она чмокнула меня в щеку, оставив влажный след, и вылетела из комнаты. Через минуту хлопнула входная дверь — Олег уводил её в школу. Я слышала их голоса за стеной: его спокойный, ровный, её звонкий, что-то рассказывающий без остановки. Потом звук удаляющихся шагов. Тишина.

Я осталась одна.

Весь дом принадлежал мне. И я знала, что хочу сделать.

Я встала, подошла к комоду, открыла ящик. Достала черное платье. То самое. Бархатное, с открытыми плечами. Купила три года назад на корпоратив, надела один раз, Олег сказал: «Красиво, но слишком откровенно». С тех пор оно висело, задвинутое в дальний угол.

Сегодня я надела его.

Бархат скользнул по телу, облепил, напомнил, какая у меня фигура. Я забыла. Забыла, что у меня есть ключицы, что есть талия, что есть ноги, которые могут выглядеть не только функционально — для ходьбы от стола к плите. Я повернулась перед зеркалом. Темная вишня на губах. Черные стрелки. Бархат, струящийся при каждом движении.

Я смотрела на себя и не узнавала.

И тогда я сделала то, что хотела сделать с самого утра.

Я подошла к своему столу, открыла ноутбук. Не отчеты. Не таблицы. Нашла в плейлисте тот трек. Дуэт. Нажала «Play».

Музыка заполнила комнату.

Я закрыла глаза на секунду. А когда открыла — меня уже не было в кабинете. Я была на сцене. Софиты били в лицо, ослепляли, грели. Рядом — пустота. Влада не было в моей фантазии сегодня утром. Я хотела быть одна.

Я начала петь.

Тихо сначала, боясь, что соседи услышат. Но голос набирал силу. Я смотрела в зеркало на женщину в бархате, с темной вишней на губах, и пела для неё. Она отвечала мне взглядом — глубоким, опасным, живым.

Я взяла микрофонную стойку — нет, ручку от пылесоса, который стоял в углу. Схватила её, вставила в подставку для бумаг. Настоящая сцена. Настоящий инструмент.

Я пела.

Я не думала о технике. Не думала, правильно или нет. Я просто выпускала то, что копилось годами. Голос летел, отражался от стен, возвращался ко мне другим, незнакомым. Мощным. Свободным.

Я двигалась по комнате, как по сцене. Бархатное платье шуршало при каждом шаге. Я закрывала глаза — и видела зал. Открывала — и видела себя в зеркале. Женщину, которая поёт. Не в наушниках. Не в фантазии. Здесь и сейчас.

Рукой я провела по волосам, откидывая их назад, как делала это в мечтах. В зеркальном отражении движение выглядело театральным, почти пошлым. Но мне нравилось. Мне нравилось, что я могу себе это позволить. Здесь, в пустом доме, где никто не видит.

Я пела громче. Голос срывался на высоких нотах, но я не останавливалась. Я кричала. Я выдыхала всю серость, все отчеты, все вздохи Олега, всю свою прозрачность. Пот заструился по спине, помада стерлась, стрелки поплыли — но я не останавливалась.

Песня закончилась.

Я стояла посреди комнаты, тяжело дыша, с ручкой от пылесоса в руке. В зеркале напротив отражалась растрепанная женщина в бархатном платье, с размазанной помадой и мокрыми глазами.

Я рассмеялась. Громко, свободно, как не смела давно.

— Bravo, — сказала я своему отражению. И поклонилась.

Потом я сняла платье. Аккуратно повесила его обратно в шкаф. Смыла остатки помады. Стерла стрелки. Надела домашние джинсы и старую футболку. Взяла тряпку и пошла мыть полы.

День тянулся медленно. Я убрала в квартире, разобрала белье, сходила в магазин. Всё как всегда. Но внутри что-то изменилось. Под футболкой, под джинсами, под кожей — горело. Тело помнило бархат. Пальцы помнили микрофонную стойку. Голос помнил, как он может звучать.

Вечером Олег вернулся с работы. Поцеловал в щеку — механически, привычно. — Как день? — Нормально, — ответила я. Он не заметил ничего. Конечно.

Я накормила Лизу ужином, проверила домашнее задание, прочитала сказку на ночь. Восемь лет — это возраст, когда сказки ещё нужны, но вопросы уже взрослые.

— Мам, — спросила Лиза, когда я поправила ей одеяло. — А ты любишь папу?

Я замерла. — Конечно, люблю. — А почему вы не смеетесь вместе? У Кати родители смеются. А вы — нет.

Я не знала, что ответить. Погладила её по голове, поцеловала в лоб. — Мы просто устаём, солнышко. Спи.

Она закрыла глаза. Я посидела рядом, слушая её дыхание. Ровное, спокойное, детское.

В темноте комнаты, под мерное сопение дочери, мысли потекли в другое русло.

Я думала о нём.

Не о музыке. О нём. О Владе.

Я представила его не на сцене. Не с микрофоном. Я представила его здесь, в этой комнате. Его руки на моих плечах — как вчера. Но дальше фантазия пошла иначе.

Он стоял за моей спиной. Я чувствовала жар его тела, даже не касаясь. Он наклонился, и его губы коснулись моего уха. Не шепот — дыхание. Горячее, прерывистое.

Моё сердце забилося быстрее.

В фантазии я поворачивалась к нему. Мы смотрели друг на друга в темноте детской, где спала моя дочь. Это было неправильно. Это было запрещено. От этого запрета кровь прилиwała к щекам, и внизу живота разливалось тепло.

Он поднимал руку и убирал прядь волос с моего лица. Медленно. Пальцы задерживались на щеке, скользили по шее, спускались к ключице.

Я выдохнула. Настоящим выдохом, здесь, на кровати Лизы.

Мне было стыдно. Стыдно, что я думаю о мужчине, которого никогда не встречала, в комнате моей восьмилетней дочери. Что моё тело откликается на то, чего нет. Что я хочу того, что разрушит всё.

Но я не могла остановиться.

Я представила, как его пальцы расстегивают пуговицу на моей рубашке. Одну. Вторую. Как его дыхание сбивается, как мое — тоже. Как он останавливается, глядя мне в глаза, спрашивая без слов: «Ты этого хочешь?»

И я, в фантазии, кивала.

Потому что хотела. Потому что забыла, как это — когда на тебя смотрят не как на функцию, не как на бухгалтера, не как на мать. Когда смотрят как на женщину. Желанную. Красивую. Живую.

Я слотнула. Открыла глаза.

Лиза спала, подложив ладошку под щеку. Светлая косичка расплелась, волосы разметались по подушке. Она улыбалась во сне. Чему-то своему, детскому.

Я вышла из комнаты, тихо прикрыв дверь.

Прошла на кухню. Налила воды. Руки дрожали.

Я думала о Владе. Не о его голосе. О его теле. О том, как он пахнет. О том, как его руки будут двигаться по моему телу. О том, каково это — быть с мужчиной, который хочет тебя не потому, что ты удобная, а потому, что ты — это ты.

Я смотрела в окно на темный двор и понимала: это уже не про музыку.

Музыка была дверью. А за дверью оказалось нечто другое. Голод. Голод по прикосновениям. По страсти. По тому, чтобы чувствовать себя живой.

Я провела пальцами по своей шее, там, где в фантазии его губы касались моей кожи. Кожа горела. Тело помнило.

Из комнаты доносился ровный гул телевизора — Олег смотрел новости. Я могла пойти к нему. Могла подойти, обнять, попробовать... что? Разбудить то, что уснуло много лет назад?

Я представила: я вхожу в гостиную, сажусь рядом, кладу руку ему на плечо. Он поворачивается, смотрит на меня. В его глазах — усталость. Вопрос: «Что-то случилось?» Не страсть. Не желание. Забота. Функциональная, правильная, убивающая.

Я не пошла.

Я осталась на кухне, глядя в темноту. И думала о Владе. О его руках. О его губах. О том, что между нами нет ничего реального, кроме моего желания. Но это желание было самым реальным, что случалось со мной за последние годы.

«Ты сошла с ума», — сказала я себе. — «Ты выдумала мужчину. Ты влюбилась в фантом».

Но разве фантом может вызывать такое? Разве может выдумка заставлять сердце биться так, что темнеет в глазах?

Я допила воду. Поставила стакан в мойку.

Проходя мимо зеркала в прихожей, я задержалась. Обычное лицо. Уставшие глаза. Домашняя футболка. Ничего особенного.

Но я знала, что под этой футболкой — женщина, которая сегодня пела в бархатном платье. Которая смотрела в зеркало и видела себя настоящей. Которая сейчас, стоя на кухне, думает о том, как его пальцы коснутся её кожи.

Я улыбнулась своему отражению. Тихо, заговорщически.

— Завтра, — шепнула я. — Завтра вы снова встретитесь.

Не на сцене. В гримёрке. Где никто не увидит.

Я выключила свет и пошла в спальню. Олег уже лежал, отвернувшись к стене, дыхание ровное — спит или притворяется. Я легла рядом, на свой край. Закрыла глаза.

Перед закрытыми веками — его лицо. Влад. Не софиты, не зал, не аплодисменты. Только он. Его губы, его руки, его глаза, которые смотрят так, будто я — единственная женщина на з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.